

Александр Етоев
Я БУДУ ВСЕГДА
С ТОБОЙ

циркумполярный роман

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАТРИЦА
Санкт-Петербург

ГЛАВА 1

Ленин получился весёлый, с хитрыми мордовскими скулами, цепким татарским взглядом, лысиной, огромной как мир, который он повернул кверху дышлом, ангельскими крыльями плеч, ещё летящих, ещё тёплых после полёта, и тяжёлый той лёгкой тяжестью, той древесной, приятной пальцам, напоминающей ладони ту пору, когда маленький босоногий мальчик баюкал у себя на руках деревянного крестьянского бога, вырезанного отцом из ясеня.

Он любил любой материал, лишь бы было из чего делать, и любовь была горячей, языческой, какой любят неразумные дикари камень, дерево, огонь в очаге за их внутреннюю, скрытую силу, прячущуюся под видимостью покоя и готовую в любую минуту выплеснуться наружу из шелухи.

И фигуру, портрет, скульптуру он мог выполнить из чего угодно, его слушались и камень, и дерево, и стекло, и лёд, и металл, даже те упрямые материалы, что считались непластичными от природы.

Он чувствовал структуру их плоти, плавные переделы мышц, неоднородность и пустоты внутри, вкрапления чужеродных образований, центры

боли, очаги слабости, места неповиновения инструменту.

Но всему он предпочитал дерево. Исковерканное яростными ветрами тельце северной убогой берёзки, которая в приполярной тундре кажется беглянкой и сиротой, даже то под его рукой превращалось в Царевну-Лебедь. Что уж говорить про породы, самим Богом учреждённые для искусства.

Начальство предпочитало камень.

Степан Рза усмехнулся криво и загладил увесистой пятернёй заплутавшую в бороде улыбку.

– Месяц срока? – переспросил он.

Тимофей Васильевич Дымобыков отразился бритой щекой в кривоватом пространстве зеркала. Щёку от виска до скулы украшал грязно-жёлтый шрам, полученный в боях под Чонгаром, когда они с Окой Городовиковым рубмя рубили белую сволочь, проперчивая солончаки Приазовья горькой кровью врангелевских полков.

– Месяц срока, – подтвердил Дымобыков. – Чтоб к августу был готов. А его, – Тимофей Васильевич показал на деревянного Ленина, – передашь моему замполиту, товарищу то есть Телячелову. Мы его в ленинском уголке устроим. Хотя нет... – задумался Дымобыков. – Нет, давай Ильича ко мне. Комиссар, он человек необлупленный, мыслит прямо как ледокол «Ермак». Короче, мало ль чего подумает. Ленин всё-таки великая личность, ну а тут, прости господи, деревяшка.

– Мы же с ним из одной губернии, земляки мы, – сообщил Рза.

– Я не понял, то есть с кем земляки? – Дымобыков поболтал головой, помогая подслеповатой

мысли приобрести необходимое направление. – С Лениным? С Владимиром Ильичом? Ну, Степан Дмитриевич, ты даёшь... – Дымобыков махнул рукой. – Я вон тоже в Казани Советы делал. Мы с Окой Городовиковым там такую навели лакировку, что по улицам даже ночью можно было без нагана гулять. Целый пароход потопили – с пристани из пушки прямой наводкой – волжского товарищества «Заря». Жалко было пароходную технику, ведь могла и революции послужить, так мы ж с Окой тогда горячие были, загрузили в трюмы контриков, как селёдку, палубные люки задраили, оттащили пароходик от берега на дистанцию прямого огня и потом по нему – херась!.. А про Ильича ты помалкивай. Мы все ему, знаешь ли, земляки, все живём по его заветам. Это я как комдив тебе говорю, как полномочный представитель военной власти на вверенном мне участке тыла. Ну и как человек тоже.

– Товарищ Дымобыков, а материал?

– В смысле, из чего будет статуя? – улыбнулся Дымобыков Степану, давая улыбкой уразуметь, что в искусстве знает толк. – Каррарский мрамор, Степан Дмитриевич, тебя устроит? Как, товарищ Рза, насчёт каррарского мрамора? А? Командир девятой циркумпольярной дивизии НКВД, Герой Советского Союза и Социалистического Труда, кавалер орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, ордена Суворова второй степени, ордена Отечественной войны, это не считая медалей, награждённый лично из рук товарища Фрунзе почётной революционной шашкой, это как раз за Крым, и ещё одной шашкой, парадной, за боевые заслуги перед страной, начальник лагеря особого назначения

генерал-лейтенант Тимофей Васильевич Дымобыков в каррарском мраморе – какова картина?

Дымобыков хмыкнул и подмигнул Степану. Тот почтительно посмотрел на китель и на плотную фигуру героя, облачённую в военную форму. Чуть сощурился от радуги лент в тесных рамках наградных планок.

– По масштабам и исполнению, – подольстил Степан комдивизии. И продолжил деловым тоном: – Да, а место, где мне работать? В Доме ненца с мрамором не получится, это ж крошка, лишний шум, пыль. Там меня товарищ Казорин и без того через силу терпит. Ну и вас гонять в Салехард всякий раз неудобно будет. Может, выделите какой сарайчик? Три на пять, мне большего не понадобится.

– погоди, Степан Дмитриевич, дай подумать. – Дымобыков изобразил задумчивость. – В трудовую зону тебе нельзя по определению. В блок охраны? Не могу, не положено. В посёлке – старший командирский состав, они тебя там затюкают из-за жён. Так-так-так, ага, ну, пожалуй. Старый карцер на Собачьей площадке, бывший второй ШИЗО. Там, вообще-то, холодновато, но не смертельно. Сейчас лето, работать можно, а с ночёвкой – с ночёвкой хуже. С харчами тоже, но пайку я тебе сделаю. А ночевать – переночуешь у Хохотуева. Это наш гражданский завхоз, дядька тёртый, из чулымских разбойников, не законник, но в лагере его уважают.

«На Карельском фронте группа разведчиков под командованием капитана Шарапова устроила засаду в тылу противника и внезапно атаковала появившуюся на дороге колонну немцев. В результате боя истреблено до роты гитлеровцев. Захвачены

трофеи и пленные», – сообщила очередную сводку военных действий тарелка репродуктора на стене.

Голос Совинформбюро был простуженный, будто бы стоял не июнь, а какой-нибудь колючий февраль.

Дымобыков посмотрел на часы, именные, с красновзвёздной эмблемой на весёлом, новеньком циферблате. Это значило: разговор окончен. Но прежде чем отпустить Степана, Тимофей Васильевич Дымобыков вдруг по-детски насупил брови.

– Ты, послушай, что ли, побрился бы, – прогудел он осипшим голосом, каким только что передали радиосводку. – А то какая-то богема, честное слово. Я не в смысле гигиены или чего. Это ж раньше что ни художник, то и борода до пупа. А сейчас война, обстановка сложная, хотя после Сталинграда немец уже пошёлковей. И потом, у нас здесь не санаторий. Заключённые – народишко нервный. Все мазурики, правда, сейчас в штрафбатах, кровью отмывают грехи, но и среди пятьдесят восьмой тоже бывают овощи-фрукты, не приведи господь. Не глянется ему твоя борода, он тебя втихаря заточкой. Не со зла, а из идейных соображений – чтобы, значит, пейзаж не портил. Не подумай, это я тебе не в смысле приказа. Хочешь с бородой – носи бороду. Только без бороды спокойней.

Рза смущённо пригладил волосы, мягким комом обволакивающие скулы и копною лезущие на грудь.

– Если дело только за этим, тогда конечно, – смиренно ответил он.

– Лейтенант, проводи товарища! – крикнул Тимофей Васильевич в дверь. Затем снова обратился к Степану: – Пропуск сдашь вахтенному на выходе,

а когда переедешь к нам, выпишу тебе постоянный. Это всё под мою ответственность, личную. Смотри, лагерь у нас особенный, требования к дисциплине жёсткие, опять же военная обстановка требует повышенной бдительности. Впрочем, ладно, что тебе говорить, ты всё это и без меня знаешь.

Степан Рза был уже у порога, когда низкий голос комдива остановил его:

– Говоришь, Казорин тебя через силу терпит? А ты скажи товарищу Казорину, что искусство в нынешних военных условиях приравнивается к винтовке и пулемёту. Это не я сказал, это товарищ Сталин сказал. И ещё скажи, что броня нынче – вещь прозрачная. Нет, про это не говори, про это я ему сам скажу.

Тихое полярное солнце работало по режиму лета. Конвоируемое сонными облаками, оно то ныряло в вату, выжигая облако изнутри, то послушно текло над тундрой, оставляя в тысячах водоёмов свои лёгкие, праздничные следы. Погода для здешних мест стояла почти тропическая, температура в иные дни зашкаливала за двадцать, и Степан радовался теплу, радовался пространству жизни, дарованному ему под старость, он учился у тундры щедрости, выраженной в скудости красок, как когда-то учился у Аргентины быть спокойным среди буйства палитры. Он всегда чему-то учился – у воды, у дерева, у вещей, – и сейчас, идя по лежнёвке, утопающей в светлом мху, он учился у этих мест отречению от избытка и пестроты.

Ледниковая спрессованная перина, чуть прикрытая болотистой почвой, не дарила пустой на-

дежды на беспечное и праздное будущее. Это было правильно и понятно: труд есть труд, но и земля есть земля; как ты ни уродуй природу, как ни отравляй её кровь, как ни задымляй её лёгкие ядовитым газом цивилизации, всё это откликнется послезавтра. Труд необходим для того, чтобы дать человеку выпрямиться. То же самое и искусство.

Холм с наезженной широкой тропой возвышался над круглой чашей, на дне которой расположился лагерь. Клинья леса – сосна и лиственница – приближались к лагерю с юго-запада, но по верному древесному чувству дерева медлили на подходе к зоне и, бросив несколько кривоватых сосенок на откуп людской корысти, отступали по дуге к северу.

Слева за пространствами лесотундры туловищем убитой птицы одиноко лежал Урал. Снежные высокие пики холодно смотрели на мир, равнодушные, как металл винтовки, целящей в приговорённого человека.

Степан Рза шёл, не оглядываясь, по пружинящему «тротуару» лежнёвки, то и дело сходя на мох и сбивая с зарослей княженики узелки незрелых ягод. С озера, мелькнувшего за кустами, снялась стайка озёрных птиц. Покружившись над блестящей поверхностью, гуси шумно опустились на воду. Человек – опасное существо, особенно в военное время, но у этого, идущего по тропе, нет в глазах голодного блеска, отличающего путника от охотника.

Путь Степану предстоял долгий. Почти двадцать километров до Лабытнанги, ну а там уж до Салехарда рукой подать. Расстояние его не пугало. Если пройденные за жизнь километры выстроить в единую

линию, то эта длинная дорога-одноколейка давно вывела бы упрямого ходока к той желанной стране Утопии, где кончаются печали земные. Только вот дороги Степана завершались всякий раз бездорожьем, но и это его, в общем, устраивало, потому что в стране Утопии он чувствовал бы себя чужим.

Двадцать километров до Лабытнанги, и, если бы не летнее половодье, он бы к ночи был уже возле пристани, на долблёнке переплыл Обь и, глядишь, часам к трём утра ночевал бы у себя в мастерской. Но в июне тундра водолюбива, каждая протока и ручеёк набухают, как вены у роженицы, а Степану с его хворями и болячками путешествие по студёным водам не сулило прибавления жизни.

– Хей! – услышал он сзади окрик.

Обернувшись, он сперва испугался, потому что на него полным ходом неслась бешеная собачья упряжка. С высунутыми алыми языками, брызжа пенящейся серой слюной, стая ровно, не сбиваясь с пути, молчаливо приближалась к Степану. Это были не полярные лайки, а овчарки, самые настоящие, запряжённые веером, по-остяцки, и тянущие на поводу нарты. Ни такого странного применения явно лагерным, караульным псам, ни тем более таких странных нарт Степану видеть покуда не доводилось. На высоких, по полметра, копыльях обложенная поплавками на бечеве покоилась, вернее, летела тупорылая железная птица. Застеклённый колпак кабины и клёпаный сверкающий фюзеляж выдавали в этом птенчике на полозьях его лётное, боевое происхождение. Для полного подобия «ястребка» не хватало только винта и крыльев. И по росту он уступал настоящему. Укороченный, обру-

бленный корпус завершался банальным ящиком с каким-то крытым брезентом скарбом.

Расстояние между собаками и Степаном сокращалось с неумолимой скоростью. Степан резко отступил в сторону, хотя толку от такого манёвра не было, наверное, никакого. Он всматривался в лицо каюра, маячившее за туманным стеклом, но, кроме резкой черты усов, не различал в пятне лица ничего.

– Наррах! – послышался из авианарт приказ собакам отвернуть влево.

Овчарки подчинились приказу, и тут же громкий голос водителя заставил их остановить бег. Нарты встали, застеклённый колпак откинулся, и на Степана уставилось незнакомое молодое веснушчатое лицо.

– Командир гужбата НКВД старшина Ведерников, – представился Степану возница, усатый юноша, почти мальчик, открывая дверцу кабины и спрыгивая на пружинящий мох. – Я вас знаю. Вы ведь тот самый Рза? Знаменитый скульптор?

– Тот самый, – повторил Степан за ним следом. – Знаменитый скульптор. Вас товарищ Дымобыков послал?

– Да... нет... – Юное лицо старшины сделалось каким-то фанерным, а рыжие веснушки на нём превратились в ржавые оспины. – То есть нет... да...

Старшина сглотнул, посмотрел назад, на расползающиеся жерди лежнёвки, утонувшие в синеватом мху, и на всхолмлённое пространство тундры, отделявшее старшину Ведерникова от той точки на карте родины, где он нёс боевую службу.

Тявкнула собака в упряжке, другие дёрнулись, но с места не стронулись, ловя носами запахи тундры и не спуская с чужака глаз.

Наконец командир гужбата погасил своё внезапное беспокойство.

– Залезайте, – сказал он твёрдо, и оспины на его лице расплавились под теплом улыбки. – До Хасляра я вас подкину, дальше – сами, дальше недалеко. Вы ведь в Салехард, правильно?

Он отщёлкнул запор на дверце, показав на место сзади себя.

Не дожидаясь повторного приглашения, Степан втиснулся, куда ему было велено, и устроился на сиденье сзади, спина в спину со старшиной Ведерниковым.

Место не баловало уютом – что-то пёрло из-под кожи сиденья, и приходилось почасть ёрзать, отыскивая удобное положение. Если бы не мшистый покров, а какая-нибудь раздолбанная грунтовка и не этот вездеход на полозьях, а охочий до бездорожья газик, Степан точно плюнул бы на оказию и потопал по привычке пешком.

Боец гужбата поначалу молчал, лишь то и дело поворачивал голову и мирным глазом косился на пассажира – похоже, всё решался заговорить, но не хотелось показаться навязчивым; он даже на собак не покрикивал, и те гнали без команды и понуканий, должно быть, выучив на память маршрут.

Отсек кабины, где устроился пассажир, был отделён от грузового охвостья перегородкой из того же металла, что и отсек, где сидел возница. Изнутри он был обшит мягкой кожей – оленьей, судя по фактуре и выделке. Но в отличие от командирского места, защищённого непродуваемым колпаком, пассажирская часть кабины была открыта пространству тундры.

Степан пытался удержать взглядом две убегаящие мокрые колеи, но глаз всё время отвлекался на что-нибудь: на красногроздную подушку цветов, нелепо смятую безжалостными полозьями, на мшистый камень изумрудной раскраски, на лишью поросль ярко-рыжих лишайников, на трепет ветки под стартующим турухтаном. Ветер, вором залетавший в кабину, нёс удушливый аромат багульника, забивающий все запахи разнотравья. Тёмной птицей проносился след облака. На планете хозяйничала война, здесь в июньской циркумполярной тундре благодушничала доверчивая природа.

Нарты резко качнуло вбок. Рза рукой схватился за железяку, выступавшую над барьером борта, но та свободно повернулась по кругу, и пассажира садануло о стенку. Впрочем, мягко, кости не пострадали.

Степан разглядывал предательскую вертушку, пытаясь вникнуть в её тайное назначение. Наконец до него дошло. Поворотная платформа для пулемёта. Паз, скоба, гнездо для крепления. Ставишь сверху на неё пулемёт, и получается будённовская тачанка. На полозьях, на собачьем ходу – приспособленная к условиям Севера. А самолётная кабина, так та вообще делает из нарт бронепоезд.

– Не ушиблись? – спросил вожатый, обретя наконец-то повод оборвать затянувшееся молчание. – Камень был, собаки его объехали.

Пассажир посмотрел на камень, серым боком выступающий из травы и стремительно съедаемый расстоянием.

– Я, когда Урал проезжали, чуть из поезда в окошко не выпал, загляделся на товарища Сталина.

Такая глыба, даже глазам не верится. Это ж сколько пришлось трудиться!

– Девять месяцев, исключая зиму, – улыбнувшись, ответил Рза. – Это сама работа. И два года выбирал место.

Старшина Ведерников аж присвистнул. Собаки дёрнули, но окрик каюра мигом выровнял их сбившийся бег. Он вдруг снизил голос до шёпота:

– А товарищ Сталин, ну то есть лично, сам он видел свой портрет на горе?

– Сам? Не знаю. Возможно, по фотографиям. В газетах давали фото.

– Да, конечно... – Каюр замялся. – Я вот... можно задать вопрос?

– Задавайте, – разрешил пассажир.

– Вот вам премию дали, Сталинскую...

– Дали премию, второй степени.

– Ну, неважно, главное, она – Сталинская. – Старшина уже не смотрел вперёд. Криво вывернувшись плечом к Степану, он тянул к нему наморщенный лоб. – Это ж деньги, положение, правильно?

– Да, наверное, – ответил Степан.

– Как «наверное»? – не понял вожатый. – Я вот выиграл перед войной гармонь. В лотерею Осоавиахима. Я ж полгода ходил счастливый. А тут премия, и не просто – Сталинская! Я бы «эмку» себе купил, в Ялту съездил... ей-богу, такая слава...

– В Ялте немцы, в Ялту теперь не съездишь. И на «эмке» по тундре не покатаешься.

– Я не в смысле конкретно в Ялту, я – вообще. И при чём здесь тундра? Вы вот, всеми уважаемый человек, почему вы тут, а не там?

Старшина гужбата Ведерников показал рукой за Урал, за нехоженые топкие километры, отделявшие его и попутчика от рубинового сердца державы.

– Ну вообще-то родина везде родина, – увернулся от ответа Степан. – И служить ей можно не только в центре. – Он невольно повторил жест Ведерникова. И сейчас же, чтобы переменить тему, спросил первое, что пришло на ум: – В вашем гужевом батальоне все на таких птицах летают?

Старшина от вопроса дёрнулся и повернулся к пассажиру спиной. В неестественно ссутулившейся фигуре появились деревянность и отстранённость.

«Отчего его так сковало? – не мог сообразить Рза. Вопрос вроде вполне невинный, не покушавшийся ни на какие табу. – Или у него это нервное?»

Деревянность с позы Ведерникова, похоже, перекинулась и на речь. Она стала бессвязной, путаной, не притёртые друг к другу слова рассыпались, как карточная постройка.

– Первое дело... второе... третье... – бормотал он трафаретные фразы, словно выстриженные острыми ножницами из суровых страниц приказов. – Совершенствовать боевую выучку, укреплять дисциплину, организованность... Неустанно... упорно... резать... окружать, сжимать и уничтожать... Шире раздувать пламя... взрывать... срывать... поджигать... Не давать отступающему врагу... не давать... давать... не давать...

Рза припомнил, откуда фразы.

– «В этом залог победы», – попробовал поставить он точку.

Заблудившийся в словах старшина отогнал от лица стрекозку, залетевшую под колпак кабины.

– Современная война, – сказал он несколько подувядышим голосом, не набравшим ещё жизненной силы, – это война моторов. – И добавил голосом вполне жизненным: – Поэтому приходится соответствовать.

Степан понял, что услышал ответ на свой заданный случайно вопрос, вызвавший столь неподвижную реакцию, непонятно было другое – шутит старшина или нет. Если шутит, то довольно опасно: самолёт на собачьей тяге как-то не очень вписывался в политическую линию государства, озвученную самим верховным за полгода до начала войны.

– А собачки-то у вас резвые, – без улыбки ответил Рза, шурясь глазом через плечо водителя на приземистые собачьи спины. – Знают дело, работают без подсказки. Ваша школа? – спросил он у старшины.

– А то чья же? – гордо кивнул Ведерников. – У нас лучшие собачники на Полярном круге. Как у дедушки Дурова, только получше. Знаете такого артиста? Он, когда я в госпитале лежал, приезжал к нам с собачьим цирком. Один номер был, ну умора! Моська исполняла роль Гитлера – помните, как в басне Крылова? – прыгала и тьякала на слона. Слон, конечно, не настоящий, сшитый. С серпом-молотом и красной звездой. Ну, короче, как бы СССР, на который эта шавка кидается. Там безногий был, сержант из Архангельска, так он вдарил по собаке костылём. Очень уж было похоже на фашистскую гадину.

– Да, смешно, – согласился Рза. – Я на Дурове в Воронеже был. Не на этом, а на первом из Дуровых. Но давно, ещё при царе Горохе. Тогда тоже чуть от смеха не захлебнулся.

– Это при котором царе Горохе? При Николае Кровавом? Так какой же при нём был смех, при нём только в крови захлёбывались. Общеизвестный факт. – Старшина Ведерников усмехнулся.

– Нет, ещё при его папаше. Тот, который не Кровавый, а Миротворец. Мне тогда было примерно как сейчас вам.

Старшина подпрыгнул и обернулся.

– Вам, товарищ старшина, сейчас сколько? – Рза сощурился, прикидывая его возраст. – Двадцать, верно? Вот и мне было двадцать.

Старшина смотрел на Степана, как на вышедшего из леса мамонта.

– А ещё я жил в Париже и Аргентине.

Взгляд Ведерникова сделался отстранённым. Он отчаянно решал в голове нерешаемую логическую задачу: как же вдруг могло такое случиться, что человеку, проживавшему за границей, дали премию, и не какую-нибудь, а Сталинскую. Куда органы смотрели, чёрт побери!

Тут он вспомнил своих бывших начальников, оказавшихся вражескими пособниками, и с опаской покосился на Рзу.

– И в Италии, – прибавил попутчик.

«Ведь Италия – союзник Германии. – Взгляд Ведерникова совсем потух, а в мозгу телеграфной лентой побежали слова инструкции: “Беженцы, слепцы, гадалки, добродушные с виду старушки, даже подростки – нередко используются гитлеровцами для того, чтобы разведать наши военные секреты, выяснить расположение наших частей, направления, по которым продвигаются резервы. Одним из методов, наиболее излюбленных немцами,

является засылка лазутчиков под видом раненых, бежавших из плена, пострадавших от оккупантов, вырвавшихся из окружения и т. п.»».

Это многоликое «и т. п.» чёрной дробью пронзило пылающий мозг Ведерникова. Судорога свела лицо. Он схватил коротковатый хорей и, откинув колпак кабины, погрозил им неповинным собакам. Острый ветер скособочил фуражку и наполнил капюшон куртки. По пятнистой маскировочной бязи пробежала маленькая волна.

«Что же вы, товарищ полковник! – чуть не крикнул он за топкие километры подсуропившему ему Телячелову. – А ещё замполит дивизии, такая вы паскудина после этого! Подсунули мне какого-нибудь шпиона, маскирующегося под выдающегося художника, и сами же меня и сдадите, ежели какая хреновина. А то “подбрось хорошего человека, лауреата главной премии по искусству. Поговори, ума наберёшься, может, что полезное вдруг расскажет. И спрашивай, не сиди поленом, интересно же ведь – сталинский лауреат”. А он, может, такой же сталинский, как я лётчик-герой Покрышкин».

– Итальянцы – народ хороший, – услышал он с сиденья сзади. – Это был девятьсот десятый... вру, девятый, одна тысяча девятьсот девятый. Я для Дома итальянских рабочих тогда делал скульптуру «Братство». Получил заказ, а денег на мрамор не было, обещали расплатиться по выполнению. Я тогда в Карраре работал, пользовался мрамором в долг и был должен в местных каменоломнях, кажется, всем и каждому. А тут заказ, возможность подзаработать. Я и взял под честное слово у рабочих лучшего материала. Потом заказчики со мной

расплатились, я вернулся отдавать долг, даю деньги, а у меня не берут. Говорят, ну отдашь ты деньги и снова будешь побираться, как нищий? В общем, накопил я вина, еды всякой, сговорился с трактирщиком и устроил каменотёсам праздник. Они люди простые, честные, понимают, когда от сердца, замечательный народ итальянцы.

– Раз они такие хорошие, зачем пошли на поводу у фашистов? – В голосе старшины Ведерникова стало меньше жести и больше плавности. Он и с виду поотмяк и расслабился, когда понял, что слова про Италию не относятся к сегодняшнему моменту. – Мне, вообще-то, двадцать два будет осенью. – Он вернулся к разговору о возрасте. – Я, вообще-то, на фронт просился, а меня по спецпризыву – в НКВД. Я же курсы миномётчиков кончил, но ни разу по врагам не стрелял. Нет, обидно, вот война скоро кончится, а я ещё ни одного фрица не укокошил.

Степан кивал, поёживаясь от ветра, рывками бьющего через откинутый верх. Солнце спряталось за длинными облаками, что текли из-за Урала на юг, и на тундру упала тень, не густая, но какая-то липкая. Она тихо обволокла природу, и как-то сразу всё умолкло, насторожилось – словно сердце земли напомнило: на планете идёт война.

– Я в Италии в рубахе ходил, белой, длинной, нашей, мордовской. И вечером, когда шёл с работы, женщины кричали: «Христос! Христос!» – подбежали и ручку мне целовали. Вот какая она, Италия.

«Йе-хе-хе-е», – встревожились кряквы, поднимаясь над заросшей протокой. Глухо тявкнула собака в упряжке – не из первых, а из ближних, из молодых. Старшина Ведерников сразу сгорбился,

бросил руку на ремень с кобурой, после высунулся из кабины наружу, шаря взглядом по болотистому пространству.

– Мать такую, снова этот туземец!

Он ругнулся и сплюнул вниз.

Степан Дмитриевич повернул голову.

Невдалеке, метрах в ста от них, на невысоком лысоватом пригорке виднелась человеческая фигура. Человек был в туземной одежде – в старой малице на голое тело, подпоясанной солдатским ремнём, и заношенных ровдужных штанах, налезавших на драные пимы. Рядом пасся светло-рыжий олешек.

– Все работают, а они кочуют, – недовольно проворчал старшина. – Чёрт их знает, что у них на уме, он сегодня палит по «юнкерсам», завтра вдарит тебе в спину из-за угла.

Степан Дмитриевич привстал с сиденья и по пояс высунулся из нарт. Он прищурился, из спутанной бороды добрым чёртиком вынырнула улыбка.

– Вы знакомы? – удивился Ведерников.

Он пытался проследить взгляд подозрительных глаз попутчика: не несёт ли он секретного знака или некой зашифрованной весточки для бродячего туземного оборванца.

– Так, немного, это Ванюта. В Доме ненца видели пару раз, даже начал делать с него эскизы, чтобы позже перенести в дерево.

Старшина, услышав про дерево, простодушно пожал плечами.

– Осторожнее с ихним братом, – посоветовал он Степану. – Они, только когда спят, смирные. Прошлым годом с американского парохода посни-

мали пулемёты и пушку и угнали на нартах в тундру. Они даже самолёт в тундре спрятали.

– Так вот прямо и самолёт? – недоверчиво хмыкнул Рза.

– Точно так, – подтвердил Ведерников. – Нам на политзанятиях говорили. Сбили немца из трофейного «ремингтона», он упал, а они его в тундре сбикали. Знаешь... ой, извините, знаете, как они называют русских? Нет? Хабёями – хорошо словцо? Обязательно какое-нибудь ругательство. И оленей от государства прячут. Гонят их подальше на северá, у них так принято, комары их там не кусают. А то что война, что голод, что солдат на фронте надо кормить и их там не комары кусают, их там пули и снаряды немецкие рвут на части – им на это плевать! И от призыва уклоняются поголовно. В Салехарде, Надыме, Яр-Сале, Аксырке – считай, везде из русских только инвалиды остались. Спецпереселенцы не в счёт. Все мужчины сейчас на фронте. Только этот по тундре шастает и неизвестно ещё, с какой вредительской целью.

– Что это вы, дорогой старшина, так настроены против местного населения? Они что, у вас патефон украли?

– Не украли, – сказал старшина Ведерников. – Просто думаю: а если бы вдруг фашист сбросил завтра в тундре десант? На чью сторону встали бы эти тузики?

И олень, и низкорослый туземец давно съелись убегающим расстоянием, а критический ум Ведерникова продолжал свои угрюмые построения.

У Хасляра Степан сошёл, пожелав старшине удачи.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА